

2. Полудень

Оже средѣ небесе солнце бѣгъ свой дѣветъ,
 палить нивы, а скоты лучми зѣло грѣветъ,
 Иже въ сѣни при водахъ от трудовъ кладятся, —
 жнеци пищею и сномъ по трудѣхъ крѣпяты.
 Такъ естество отчески строить еже быти:
 законъ всѣмъ пишеть вѣщемъ нужднѣи сохранити.

3. Вечеръ

Якъ зоря день вѣщаеть, такъ нощь вечеръ вводитъ;
 въ хлѣвину си скоть идетъ; орачъ в домъ входитъ;
 Рало оставивъ, хлѣбомъ стомахъ укрѣпляетъ,
 утружденныя силы пищи обновляетъ;
 Таже сномъ сладкимъ плоть си покоитъ стружденну, —
 сонъ бо богомъ дадеся въ покой труду дневну.

4. Нощь

Нощь мрачная тму страшну на землю наводитъ;
 извѣты часто, злобы и поводы родить
 Въ готовыхъ на вся злая, что злыи умъ вмѣщаетъ.
 Обаче своя игры, утѣхи нощь знаетъ:
 Временемъ есть полезна, но мудръ сый блюдется
 тмы нощныя — день любить, да в ней не преткнется.

Себе довлеющая образность этой не лишенной настроения сельской идилии Симеона Полоцкого — мнимая; в действительности перед нами такое же дидактическое иносказание, как и многие другие его стихотворения в „Вертограде“; разница только в том, что здесь эта дидактическая тема, навязанная образу, осмысляющая образ, дана не прямо, а косвенно — в форме подтекста, только временами, в финале каждого шестистишия, всплывающего на поверхность изложения („Спай же на день много бѣдяъ, раздраноризно поживеть убого“, „мудръ сый блюдется тмы нощныя — день любить, да в ней не преткнется“).

Образ сам по себе, в своей осязаемой конкретности, никогда не привлекал творческого внимания Симеона; он приобретал для него эстетическую ценность только тогда, когда обнаруживал возможность переосмысления. Свой мир вещей Симеон созидал только для того, чтобы его разрушить, — затем, тут же, воссоздать, но воссоздать уже на новой, логизированной основе. И вещь, и каждая ее составная часть, взятая отдельно, обычно рождала под пером Симеона свой новый, „логический“ эквивалент, переключалась в новый ряд. В установлении этого нового ряда, отвлеченного от ряда конкретных вещей, от образов путем их последовательного иносказательного переосмысления — весь пафос поэзии Симеона Полоцкого.

В подавляющем большинстве случаев вещь отягчалась у Симеона новым значением насильственно, — насильственно потому, что переводит